

О.Генри

Благородный жулик
(сборник рассказов)

ФТМ

О. Генри

Благородный жулик (сборник)

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=137653
Благородный жулик (сборник): ФТМ;
ISBN 978-5-44672-3041

Аннотация

Один из самых известных юмористов в мировой литературе, О. Генри создал уникальную панораму американской жизни на рубеже XIX–XX веков, в гротескных ситуациях передал контрасты и парадоксы своей эпохи, открывшей простор для людей с деловой хваткой, которых игра случая то возносит на вершину успеха, то низвергает на самое дно жизни.

«— Трест есть свое самое слабое место, — сказал Джефф Питерс.

— Это напоминает мне, — сказал я, — бессмысленное изречение вроде «Почему существует полисмен?».

— Ну нет, — сказал Джефф, — между полисменом и трестом нет ничего общего. То, что я сказал, — это эпитафия... ось... или, так сказать, квинтэссенция. А значит она, что трест и похож и не похож на яйцо. Когда хочешь расколоть яйцо, бьешь его снаружи. А трест можно разбить только изнутри. Сиди на нем и жди, когда птенчик разнесет всю скорлупу. Поглядите, какой выводок новоиспеченных колледжей и библиотек щебечет и чирикает по всей стране. Да, сэр, каждый трест носит в своей груди семена собственной гибели, как петух, который в штате Джорджия вздумает запеть слишком близко от сборища негров-методистов, или тот член республиканской партии, который выставляет свою кандидатуру в губернаторы Техаса...»

Содержание

Трест, который лопнул	4
Джефф Питерс как персональный магнит	9
Развлечения современной деревни	14
Конец ознакомительного фрагмента.	18

О. Генри

Благородный жулик

(рассказы из авторского сборника)

Трест, который лопнул

– Трест есть свое самое слабое место, – сказал Джефф Питерс.

– Это напоминает мне, – сказал я, – бессмысленное изречение вроде «Почему существует полисмен?».

– Ну нет, – сказал Джефф, – между полисменом и трестом нет ничего общего. То, что я сказал, – это эпиграмма... ось... или, так сказать, квинтэссенция. А значит она, что трест и похож и не похож на яйцо. Когда хочешь расколоть яйцо, бьешь его снаружи. А трест можно разбить только изнутри. Сиди на нем и жди, когда птенчик разнесет всю скорлупу. Поглядите, какой выводок новоиспеченных колледжей и библиотек щебечет и чирикает по всей стране. Да, сэр, каждый трест носит в своей груди семена собственной гибели, как петух, который в штате Джорджия вздумает запеть слишком близко от сборища негров-методистов, или тот член республиканской партии, который выставляет свою кандидатуру в губернаторы Техаса.

Я шутя спросил Джеффа, не приводилось ли ему на протяжении его пестрой, полосатой, клетчатой и крапленой карьеры стоять во главе предприятия, которому можно было бы дать наименование треста. К моему удивлению, он признал за собой этот грех.

– Один-единственный раз, – сказал он. – И никогда печать штата Нью-Джерси не скрепляла документа, который давал бы права на более солидный и верный образчик законного ограбления ближних. Все было к нашим услугам – вода, ветер, полиция, выдержка и безраздельная монополия на ценный продукт, чрезвычайно нужный потребителям. Ни один враг монополий и трестов не мог бы найти в нашем предприятии никакого изъяна. В сравнении с ним маленькая нефтяная афера Рокфеллера казалась жалкой керосинной лавчонкой. И все-таки мы прогорели.

– Возникли, вероятно, какие-нибудь неожиданные препятствия? – спросил я.

– Нет, сэр, все было именно так, как я сказал. Мы сами себя погубили. Это был случай самоликвидации. Люлька оказалась с трещинкой, как выразился Альберт Теннисон¹.

Вы помните, я уже рассказывал вам, что мы работали несколько лет в компании с Энди Такером. Этот Энди был гениальный мастак на всякие военные хитрости. Каждый доллар в руке у другого он воспринимал как личное для себя оскорбление, если не мог воспринять его как добычу. Он был человек образованный, и к тому же полезных сведений у него была уйма. Он почерпнул из книг богатейший опыт и мог часами говорить на любую тему, насчет идей и всяких словопрений. Нет такого жульничества, которого бы он не испробовал, начиная с лекций о Палестине, которые он оживлял, показывая с помощью волшебного фонаря снимки ежегодного съезда закройщиков готового платья в Атлантик-Сити, и кончая ввозом в Коннектикут целого моря поддельного древесного спирта, добытого из мускатных орехов.

Как-то весной нам с Энди случилось на короткое время побывать в Мексике, где один капиталист из Филадельфии заплатил нам две тысячи пятьсот долларов за половину паев серебряного рудника в Чихуахуа. Да нет, такой рудник существовал. Все было в порядке.

¹ «Трещинка в лютне» – известная фраза из поэмы Альфреда Теннисона «Мерлин».

Другая половина паев стоила двести или триста тысяч долларов. Я часто думал потом: кому принадлежал этот рудник?

Возвращаясь в Соединенные Штаты, мы с Энди споткнулись об один городишко в Техасе, на берегу Рио-Гранде. Назывался городишко Птичий Город, но жили там вовсе не птицы. Там было две тысячи душ населения, все больше мужчины. На мой взгляд, возможность существовать им давали главным образом густые заросли чапарраля, окружавшие город. Иные из жителей были скотопромышленники, иные – картежники, иные – лошадиные барышники, иные – и таких было много – работали по части контрабанды. Мы с Энди поселились в гостинице, которая представляла собой нечто среднее между книжным шкафом и садом на крыше. Чуть мы прибыли туда, пошел дождь. Как говорится, залез Ной на гору Арарат и отвернул краны небесные.

Надо сказать, что хотя мы с Энди и непьющие, но в городе было три кабака, и все жители целый день и добрую половину ночи шагали по треугольнику из одного в другой. Каждому было отлично известно, что ему делать со своими деньгами.

На третий день дождь чуть-чуть перестал, и мы с Энди отправились за город полюбоваться прегрязной природой. Птичий Город был построен между Рио-Гранде и широкой ложбиной, где прежде протекала река. Сейчас, когда река вздулась от дождей, дамба, отделявшая ее от старого русла, была размыта и совсем сползала в воду. Энди долго смотрел на нее. Ум у этого человека никогда не дремал. Не сходя с места, он открыл мне идею, которая осенила его. Вот тогда-то мы и основали трест, а потом вернулись в город и пустили в ход свою идею.

Первым делом мы отправились в главный салун, который назывался «Голубая змея», и приобрели его в собственность. Это стоило нам тысячу двести долларов. А потом мы зашли на минутку в бар мексиканца Джо, поговорили о погоде и так, между делом, купили его за пятьсот. Третий нам охотно уступили за четыреста.

Проснувшись на следующее утро, Птичий Город увидел, что он превратился в остров. Река прорвала дамбу и хлынула в старое русло; весь город был окружен ревущими потоками воды. Дождь лил не переставая; на северо-западе висели тяжелые тучи, предвещавшие на ближайшие две недели еще штук шесть среднегодовых осадков. Но главная беда была впереди.

Птичий Город выпорхнул из гнезда, отряхнул перышки и поскакал за утренней выпивкой. И ах! Бар мексиканца закрыт, другой пункт спасения утопающих – тоже. Естественно, из всех глоток разом вырывается крик изумления и жажды, и жители скопом несутся в «Голубую змею». И что же они видят в «Голубой змее»? За одним концом стойки сидит Джефферсон Питерс, этакий восьминогий спрут-эксплуататор, справа у него колыт и слева у него колыт, и он готов дать сдачи либо долларами, либо пулей. В заведении – три бармена, а на стене вывеска в десять футов длины: «Каждая выпивка – доллар». Энди сидит на несгораемой кассе, на нем шикарный синий костюм, в зубах первоклассная сигара, вид выжидательный. Тут же начальник полиции с двумя полисменами: трест обещал им бесплатную выпивку.

Да, сэр, не прошло и десяти минут, как Птичий Город понял, что дверца клетки захлопнулась. Мы ждали бунта, но все обошлось спокойно. Жители знали, что они в наших руках. Ближайшая станция железной дороги находилась за тридцать миль, и можно было с уверенностью сказать, что вода в реке спадет не раньше, чем через две недели, а до той поры переправа невозможна. И жители выругались, но очень учтиво, а потом стали сыпать доллары к нам на прилавок так исправно, что звон стоял, как от попури на ксилофоне.

В Птичьем Городе было около полутора тысяч взрослых мужчин, достигших легкомысленного возраста; чтобы не умереть от тоски, большинству из них требовалось от трех до двадцати стаканов в день. Пока не схлынет вода, «Голубая змея» оставалась единствен-

ным местом, где они могли получить их. Это было и красиво и просто, как всякое подлинно великое жульничество.

К десяти часам утра серебряные доллары, сыпавшиеся на стойку, немного замедлили темп и стали вместо джиги наигрывать тустепы и марши. Но я глянул в окно и увидел, что сотни две наших клиентов вытянулись длинным хвостом перед городской сберегательной и ссудной кассой, и понял, что они хлопчут о новых долларах, которые высосет у них наш восьминог своими мокрыми и скользкими щупальцами.

В полдень все ушли по домам обедать, как и подобает фешенебельным людям. Мы разрешили барменам воспользоваться этим кратким затишьем и тоже пойти закусить, а сами стали подсчитывать выручку. Мы заработали тысячу триста долларов. По нашему подсчету выходило, что, если Птичий Город останется островом еще две недели, у нашего треста будет достаточно средств, чтобы пожертвовать Чикагскому университету новое общежитие с обитыми войлоком стенами для всех профессоров и доцентов и подарить ферму каждому добродетельному бедняку в Техасе, если участок земли он купит за собственный счет.

Энди – того так и распирало от гордости, потому что ведь план первоначально зародился в его предпосылках. Он слез с несгораемой кассы и закурил самую большую сигару, какая только нашлась в салуне.

– Джефф, – говорит он, – я думаю, что во всем мире не найти пауков-эксплуататоров, столь изобретательных по части угнетения рабочего класса, как торговый дом «Питерс, Таккер и Сатана». Мы нанесли мелкому потребителю чувствительнейший удар в область солнечного переплетения. Что, не так?

– Верно, – говорю я, – выходит, что ничего нам не останется, как заняться гастритом и гольфом или заказать себе шотландские юбочки и ехать охотиться на лисиц. Этот фокус с выпивкой, по-видимому, удался. И мне он по душе, – говорю я, – ибо худой жир лучше доброй чахотки.

Энди наливает себе стаканчик нашей лучшей ячменной и препровождает его по назначению. Это была его первая выпивка за все время, что я его знал.

– Вроде как излияние богам, – пояснил он.

Почтив таким образом языческих идолов, он осушил еще стаканчик – за преуспевание нашего дела. А потом и пошло – он пил за всю промышленность, начиная от Северной тихоокеанской дороги и кончая всякой мелочью вроде заводов маргарина, синдиката учебников и федерации шотландских горняков.

– Энди, Энди, – говорю я ему, – это очень похвально с твоей стороны, что ты пьешь за здоровье наших братских монополий, но смотри, дружок, не увлекайся тостами. Ты ведь знаешь, что самые наши знаменитые и всеми ненавидимые архимиллиардеры не вкушают ничего, кроме жидкого чая с сухариками.

Энди ушел за перегородку и через несколько минут вышел оттуда в парадном костюме. Во взгляде у него было что-то возвышенное и смертоносное, этакий, я бы сказал, благородный и праведный вызов. Очень не понравился мне этот взгляд. Я всматривался в Энди с беспокойством: какую штуку выкинет с ним виски? В жизни бывают два случая, которые неизвестно чем кончаются: когда мужчина выпьет в первый раз и когда женщина выпьет в последний.

За какой-нибудь час «муха» у Энди выросла в целого скорпиона. Снаружи он был вполне благопристоен и умудрялся сохранять равновесие, но внутри он был весь начинен сюрпризами и экспромтами.

– Джефф, – говорит он, – ты знаешь, что я такое? Я кратер, живой вулканический кратер.

– Эта гипотеза, – говорю я, – не нуждается ни в каких доказательствах.

– Да, я огнедышащий кратер. Из меня так и пышет пламя, а внутри клокочут слова и комбинации слов, которые требуют выхода. Миллионы синонимов и частей речи так и прут из меня на простор, и я не успокоюсь, пока не произнесу какую-нибудь этакую речь. Когда я выпью, – говорит Энди, – меня всегда влечет к ораторскому искусству.

– Нет ничего хуже, – говорю я.

– С самого раннего детства, – продолжает Энди, – алкоголь возбуждал во мне позывы к риторике и декламации. Да что, во время второй избирательной кампании Брайана² мне давали по три порции джина, и я, бывало, говорил о серебре на два часа дольше самого Билли. Но в конце концов мне дали возможность убедиться на собственном опыте, что золото лучше.

– Если тебе уж так приспичило освободиться от лишних слов, – говорю я, – ступай к реке и поговори, сколько нужно. Помнится, уже был один такой старый болтун, – звали его Кантарид, – который ходил на берег моря и там облегчал свою глотку.

– Нет, – говорит Энди, – мне нужна аудитория, публика. Я чувствую, что дай мне сейчас волю – и сенатора Бэвриджа прозовут Юным Сфинксом Уобаша. Я должен собрать аудиторию, Джефф, и утихомирить свой ораторский зуд, иначе он пойдет внутрь и я буду чувствовать себя ходячим собранием сочинений миссис Саутворт в роскошном переплете с золотым обрезом.

– А на какую тему ты хотел бы поупражнять свои голосовые связки? – спрашиваю я. – Есть ли у тебя какие-нибудь теоремы и тезисы?

– Тема любая, – говорит Энди, – для меня безразлично. Я одинаково красноречив во всех областях. Могу поговорить о русской иммиграции, или о поэзии Китса, или о новом тарифе, или о кабийской словесности, или о водосточных трубах, и будь уверен: мои слушатели будут попеременно то плакать, то хныкать, то рыдать, то обливаться слезами.

– Ну что ж, Энди, – говорю я ему, – если уж тебе совсем невтерпех, иди и вылей весь избыток своих словесных ресурсов на голову какому-нибудь здешнему жителю, который подобнее и повыносливее. Мы с нашими подручными и без тебя тут управимся. В городе скоро кончат обедать, а соленая свинина с бобами, как известно, вызывает жажду. К полуночи у нас будет еще полторы тысячи долларов.

И вот Энди выходит из «Голубой змеи», и я вижу, как он останавливает на улице каких-то прохожих и вступает с ними в разговор. Не прошло и десяти минут, как вокруг него собралась небольшая кучка людей, а вскоре я увидел, что он стоит на углу, говорит что-то и машет руками, а перед ним уже порядочная толпа. Потом он повернулся и пошел, а толпа за ним, а он все говорит. И он повел их по главной улице Птичьего Города, и по дороге к ним приставали еще и еще прохожие. Это напомнило мне старый фокус, о котором я читал в книгах, как один дудочник все играл на дудке и до того доигрался, что увел с собой всех детей, какие только были в городе³.

Пробило час, потом два, потом три, а ни одна птица так и не залетела к нам выпить. На улицах было пусто, одни утки, да изредка женщина пройдет мимо в лавчонку. А между тем дождик почти перестал.

Какой-то мужчина остановился у нашей двери, чтобы соскрести грязь, налипшую на сапоги.

– Милый, – говорю я ему, – что случилось? Сегодня утром здесь царил лихорадочное веселье, а теперь весь город похож на развалины Тира и Сифона, где по стенам ползает одинокая ящерица.

² Брайан Уильям (1860–1925) – несколько раз был кандидатом на пост президента; одним из пунктов его программы была неограниченная чеканка серебра и уравнение его с золотом как платежного средства.

³ Питерс имеет в виду рассказанную поэтом Робертом Браунингом легенду про мстительного колдуна-крысолова из Гаммельна, который игрою на дудке заманил всех детей города в пещеру и там погубил.

– Весь город, – отвечает он, – собрался у Сперри, на складах шерсти, и слушает речь вашего друга-приятеля. Что и говорить, он умеет извлекать из себя всякие звуки касательно разных материй.

– Вот оно что, – говорю я. – Ну, надеюсь, что он сделает перерыв, *sine qua non*⁴, очень скоро, потому что от этого страдает торговля.

До самого вечера к нам не заглянул ни один клиент. В шесть часов два мексиканца привезли Энди в салун: он возлежал на спине их осла. Мы уложили пьяного в постель, а он все еще бормотал, жестикулируя руками и ногами.

Я закрыл кассу и пошел разузнать, что случилось. Вскоре мне попался человек, который рассказал мне всю историю. Оказывается, Энди говорил два часа подряд. Он произнес самую великолепную речь, какую, по словам этого человека, когда-либо слышали не только в Техасе, но и на всем земном шаре.

– О чем же он говорил? – спросил я.

– О вреде пьянства, – ответил тот. – И когда он кончил, все жители Птичьего Города подписали бумагу, что в течение целого года в рот не возьмут спиртного.

⁴ Без которого невозможно (лат.).

Джефф Питерс как персональный магнит

Джефф Питерс делал деньги самыми разнообразными способами. Этих способов было у него никак не меньше, чем рецептов для изготовления рисовых блюд у жителей Чарлстона, штат Южная Каролина.

Больше всего я люблю слушать его рассказы о днях его молодости, когда он торговал на улицах мазями и порошками от кашля, жил впроголодь, дружил со всем светом и на последние медяки играл в орлянку с судьбой.

– Попал я однажды в поселок Рыбачья Гора, в Арканзасе, рассказывал он. – На мне был костюм из оленьей шкуры, мокасины, длинные волосы и перстень с тридцатикаратовым бриллиантом, который я получил от одного актера в Тексаркане. Не знаю, что он сделал с тем перочинным ножиком, который я дал ему в обмен на этот перстень.

В то время я был доктор Воф-Ху, знаменитый индейский целитель. В руках у меня не было ничего, кроме великолепного снадобья: «Настойки для Воскрешения Больных». Настойка состояла из живительных трав, случайно открытых красавицей Та-ква-ла, супругой вождя племени Чокто. Красавица собирала зелень для украшения национального блюда – вареной собаки, ежегодно подаваемой во время пляски на Празднестве Кукурузы, – и наткнулась на эту траву.

В городке, где я был перед этим, дела шли неважно: у меня оставалось всего пять долларов. Прибыв на Рыбачью Гору, я пошел в аптеку, и там мне дали взаймы шесть дюжин восьмиунцевых склянок с пробками. Этикетки и нужные припасы были у меня в чемодане. Жизнь снова показалась мне прекрасной, когда я достал себе в гостинице номер, где из крана текла вода, и бутылки с «Настойкой для Воскрешения Больных» дюжинами стали выстраиваться передо мной на столе.

– Шарлатанство? Нет, сэр. В склянках была не только вода. К ней я примешал хинина на два доллара, да на десять центов анилиновой краски. Много лет спустя, когда я снова проезжал по тем местам, люди просили меня дать им еще порцию этого снадобья.

В тот же вечер я нанял тележку и открыл торговлю на Главной улице. Рыбачья Гора, хоть и называлась Горой, но была расположена в болотистой, малярийной местности; и я поставил диагноз, что населению как раз не хватает легочно-сердечной и противозолотушной микстуры. Настойка разбиралась так быстро, как мясные бутерброды на вегетарианском обеде. Я уже продал две дюжины склянок по пятидесяти центов за штуку, как вдруг почувствовал, что кто-то тянет меня за фалды. Я знал, что это значит. Быстро спустившись с тележки, я сунул пять долларов в руку субъекту с немецкой серебряной звездой на груди.

– Констебль, – говорю я, – какой прекрасный вечер!

А он спрашивает:

– Имеется ли у вас городской патент на право продажи этой нелегальной бурды, которую вы из любезности зовете лекарством? Получили ли вы бумагу от города?

– Нет, не получал, – говорю я, – так как я не знал, что это город. Если мне удастся найти его завтра, я достану себе и патент.

– Ну, а до той поры я вынужден прикрыть вашу торговлю, говорит полисмен.

Я перестал торговать и, вернувшись в гостиницу, рассказал хозяину все, что случилось.

– У нас, на Рыбачьей Горе, вам не дадут развернуться, сказал он. – Ничего у вас не выйдет. Доктор Хескинс – зять мэра, единственный доктор на весь город, и власти никогда не допустят, чтобы какой-то самозванный целитель отбивал у него практику.

– Да я не занимаюсь медициной, – говорю я. – У меня патент от управления штата на розничную торговлю, а когда с меня требуют особое свидетельство от города я беру его, вот и все.

На следующее утро иду я в канцелярию мэра, но мне говорят, что он еще не приходил, а когда придет, неизвестно. Поэтому доктору Воф-Ху ничего не оставалось, как снова вернуться в гостиницу, грустно усестись в кресло, закурить сигару и ждать.

Немного погода подсаживается ко мне молодой человек в синем галстуке и спрашивает, который час.

– Половина одиннадцатого, – говорю я, – а вы Энди Таккер. Я знаю некоторые ваши делишки. Ведь это вы создали в Южных штатах «Универсальную посылку Купидон». Погодите-ка, что в ней было. Да, да, обручальный перстень с чилийским брильянтом, кольцо для венчания, машинка для растирания картофеля, склянка успокоительных капель и портрет Дороти Вернон⁵ – все за пятьдесят центов.

Энди был польщен, что я помню его. Это был талантливый уличный жулик, и, что важнее всего, он уважал свое ремесло и довольствовался тремястами процентов чистой прибыли. Он имел много предложений перейти на нелегальную торговлю наркотиками, но никому не удавалось совратить его с прямого пути.

Мне нужен был компаньон, мы переговорили друг с другом и согласились работать вместе. Я сообщил ему о положении вещей на Рыбачьей Горе, как трудны здесь финансовые операции ввиду вторжения в политику касторки. Энди прибыл только что с утренним поездом. У него у самого дела была не блестящи, и он намеревался открыть в этом городе публичную подписку для сбора пожертвований на постройку нового броненосца в городе Эврика-Спрингс⁶. Было о чем потолковать, и мы вышли на крыльцо.

На следующее утро в одиннадцать, когда я сидел в номере один-одинешенек, является ко мне какой-то дядя Том и просит, чтобы доктор пожаловал на квартиру к судье Бэнксу, который, как выяснилось, и был мэром, – он тяжело захворал.

– Я не доктор, – говорю я, – почему вы не позовете доктора?

– Ах, господин, – говорит дядя Том, – доктора Хоскина уехала из города за двадцать миль... в деревню... его вызвали к больному. Он один врач на весь город, а судья Бенкса очень плох... Он послал меня. Пожалуйста, идите к нему. Он очень, очень просит.

– Как человек к человеку, я, пожалуй, пойду и осматрю его, как человек человека, – говорю я, кладу к себе в карман флакон «Настойки для Воскрешения Больных» и направляюсь в гору к особняку мэра. Отличный дом, лучший в городе: мансарда, прекрасная крыша и две чугунные собаки на лужайке.

Мэр Бэнкс в постели; из-под одеяла торчат только бакенбарды да кончики ног. Он издает такие утробные звуки, что, будь это в Сан-Франциско, все подумали бы, что землетрясение, и кинулись бы спасаться в парки. У кровати стоит молодой человек и держит кружку воды.

– Доктор, – говорит мэр, – я ужасно болен. Помираю. Не можете ли вы мне помочь?

– Мистер мэр, – говорю я, – я не могу назвать себя подлинным учеником Эс Ку Лаппа. Я никогда не изучал в университете медицинских наук и пришел к вам просто, как человек к человеку, посмотреть, чем я могу помочь.

– Я глубоко признателен вам, – отвечает больной. Доктор Воф-Ху, это мой племянник, мистер Бидл. Он пытался облегчить мою боль, но безуспешно. О господи! Ой, ой, ой! – завопил он вдруг.

Я кланяюсь мистеру Бидлу, подсаживаюсь к кровати и щупаю пульс у больного.

– Позвольте посмотреть вашу печень, то есть язык, говорю я. Затем поднимаю ему веки и долго вглядываюсь в зрачки.

– Когда вы заболели? – спрашиваю я.

⁵ Дочь английского вельможи, жившая в XVI веке.

⁶ Курорт, находящийся вдали от моря.

– Меня схватило... ой, ой... вчера вечером, – говорит мэр. – Дайте мне чего-нибудь, доктор, спасите, облегчите меня!

– Мистер Фидл, – говорю я, – приподнимите-ка штору.

– Не Фидл, а Бидл, – поправляет меня молодой человек. А что, дядя Джеймс, – обращается он к судье, – не думаете ли вы, что вы могли бы скушать яичницу с ветчиной?

– Мистер мэр, – говорю я, приложив ухо к его правой лопатке и прислушиваясь, – вы схватили серьезное сверхвоспаление клавикулы клавикордиала.

– Господи боже мой, – застонал он, – нельзя ли что-нибудь втереть, или вправить, или вообще что-нибудь?

Я беру шляпу и направляюсь к двери.

– Куда вы? – кричит мэр. – Не покинете же вы меня одного умирать от этих сверхклавикордов?

– Уж из одного сострадания к ближнему, – говорит Бидл, вы не должны покидать больного, доктор Хоа-Хо...

– Доктор Воф-Ху, – поправляю я и затем, возвратившись к больному, откидываю назад мои длинные волосы.

– Мистер мэр, – говорю я, – вам осталась лишь одна надежда. Медикаменты вам не помогут. Но существует другая сила, которая одна стоит всех ваших снадобий, хотя и они стоят недешево.

– Какая же это сила – спрашивает он.

– Прологиомены науки, – говорю я. – Победа разума над сарсапариллой. Вера в то, что болезни и страдания существуют только в нашем организме, когда вы чувствуете, что вам нездоровится. Признайте себя побежденным. Демонстрируйте!

– О каких это параферналиях вы говорите, доктор? спрашивает мэр. – Уж не социалист ли вы?

– Я говорю о великой доктрине психического финансирования, о просвещенном методе подсознательного лечения абсурда и менингита внушением на расстоянии, об удивительном комнатном спорте, известном под названием персонального магнетизма.

– И вы можете это проделать, доктор? – спрашивает мэр.

– Я один из Единых Сенедрионов и Явных Монголов Внутреннего Храма, – говорю я. – Хромые начинают говорить, а слепые ходить, как только я сделаю пассы. Я – медиум, колоратурный гипнотизер и спиртуозный контролер человеческих душ. На последних сеансах в Анн-Арборе покойный председатель Уксусно-Горького общества мог только при моем посредстве возвращаться на землю для бесед со своей сестрой Джейн. Правда, в настоящее время я, как вы знаете, продаю с тележки лекарства для бедных и не занимаюсь магнетической практикой, так как не хочу унижать свое искусство слишком низкой оплатой: много ли возьмешь с бедноты!

– Возьметесь ли вы вылечить гипнотизмом меня? – спрашивает мэр.

– Послушайте, – говорю я, – везде, где я бываю, я встречаю затруднения с медицинскими обществами. Я не занимаюсь практикой, но для спасения вашей жизни я, пожалуй, применю к вам психический метод, если вы, как мэр, посмотрите сквозь пальцы на отсутствие у меня разрешения.

– Разумеется, – говорит он. – Только начинайте скорее, доктор, а то я снова чувствую жестокие приступы боли.

– Мой гонорар двести пятьдесят долларов, – говорю я, – излечение гарантирую в два сеанса.

– Хорошо, – говорит мэр, – заплачу. Полагаю, что моя жизнь стоит этих денег.

Я присел у кровати и стал смотреть на него в упор.

– Теперь, – сказал я, – отвлеките ваше внимание от вашей болезни. Вы здоровы. У вас нет ни сердца, ни ключицы, ни лопатки, ни мозгов – ничего. Бы не испытываете боли. Признайтесь, что вы ошиблись, считая себя больным. Ну, а теперь вы, не правда ли, чувствуете, что боль, которой у вас никогда не бывало, постепенно уходит от вас.

– Да, доктор, черт возьми, мне и в самом деле стало как будто легче, – говорит мэр. – Пожалуйста, продолжайте врать, что я будто бы здоров и будто бы у меня нет этой опухоли в левом боку. Я уверен, что еще немного, и меня можно будет приподнять в постели и дать мне колбасы с гречишной булкой.

Я сделал еще несколько пассивов.

– Ну, – говорю я, – теперь воспалительное состояние прошло. Правая лопасть перигелия уменьшилась. Вас клонит ко сну. Ваши глаза слипаются. Ход болезни временно прерван. Теперь вы спите.

Мэр медленно закрывает глаза и начинает похрапывать.

– Заметьте, мистер Тидл, – говорю я, – чудеса современной науки.

– Бидл, – говорит он. – Но когда же вы назначите второй сеанс для излечения дядюшки, доктор Пу-Пу?

– Воф-Ху, – говорю я. – Я буду у вас завтра в одиннадцать утра. Когда он проснется, дайте ему восемь капель скипидара и три фунта бифштекса. Всего хорошего.

На следующее утро я пришел в назначенное время.

– Ну, что, мистер Ридл, – сказал я, как только он ввел меня в спальню, – каково самочувствие вашего дядюшки.

– Кажется, ему гораздо лучше, – отвечает молодой человек.

Цвет лица и пульс у мэра были в полном порядке. Я сделал второй сеанс, и он заявил, что последние остатки боли у него улетучились.

– А теперь, – говорю я, – вам следует день-другой полежать в постели, и вы совсем поправитесь. Ваше счастье, что я очутился здесь, на вашей Рыбачьей Горе, мистер мэр, так как никакие средства, известные в корнукопее и употребляемые официальной медициной, не могли бы вас спасти. Теперь же, когда медицинская ошибка обнаружена, когда доказано, что ваша боль самообман, поговорим о более веселых материях – например, о гонораре в двести пятьдесят долларов. Только, пожалуйста, без чеков. Я с такой же неохотой распишусь на обороте чека, как и на его лицевой стороне.

– Нет, нет, у меня наличные, – говорит мэр, доставая из-под подушки бумажник; он отсчитывает пять бумажек по пятидесяти долларов и держит их в руке.

– Бидл, – говорит он, – возьмите расписку. Я пишу расписку, и мэр дает мне деньги. Я тщательно прячу их во внутренний карман.

– А теперь приступите к исполнению ваших обязанностей, сержант, – говорит мэр, ухмыляясь совсем как здоровый.

Мистер Бидл кладет руку мне на плечо.

– Вы арестованы, доктор Воф-Ху, или, вернее, Питерс, говорит он, – за незаконные занятия медициной без разрешения властей штата.

– Кто вы такой? – спрашиваю я.

– Я вам скажу, кто он такой, – говорит мэр, приподнимаясь на кровати как ни в чем не бывало. – Он сыщик, состоящий на службе в Медицинском обществе штата. Он шел за вами по пятам, выслеживал вас в пяти округах и явился ко мне третьего дня, и мы вместе придумали план, чтобы вас изловить. Полагаю, что отныне ваша практика в наших местах кончена раз навсегда, господин шарлатан. Ха, ха, ха! Какую болезнь вы нашли у меня? Ха, ха, ха! Во всяком случае не размягчение мозга?

– Сыщик! – говорю я.

– Именно, – отвечает Бидл. – Мне придется сдать вас шерифу.

– Ну, это мы еще посмотрим! – говорю я, хватаю его за горло и чуть не выбрасываю из окна. Но он вынимает револьвер, сует мне его в подбородок, и я успокаиваюсь. Затем он надевает на меня наручники и вытаскивает из моего кармана только что полученные деньги.

– Я свидетельствую, – говорит он, – что это те самые банкноты, которые мы с вами отметили, судья Бэнкс. Я вручу их в полицейском участке шерифу, и он пришлет вам расписку. Им придется фигурировать в деле в качестве вещественного доказательства.

– Ладно, мистер Бидл, – говорит мэр, – А теперь, доктор Воф-Ху, – продолжает он, обращаясь ко мне, – почему вы не воспользуетесь своим магнетизмом и не сбросите с себя кандалы?

– Пойдемте, сержант, – говорю я с достоинством. – Нечего делать, надо покориться судьбе. – А затем, оборачиваясь к старому Бэнксу и потрясая кандалами, говорю:

– Мистер мэр, недалеко то время, когда вы убедитесь, что персональный магнетизм огромная сила, которая сильнее вашей власти. Вы увидите, что победит она.

И она действительно победила.

Когда мы дошли до ворот, я говорю сыщику:

– А теперь, Энди, сними-ка с меня наручники, а то перед прохожими неловко...

Что? Ну да, конечно, это был Энди Таккер. Весь план был его изобретением: так-то мы и добыли денег для дальнейшего совместного бизнеса.

Развлечения современной деревни

Джефф Питерс нуждается в напоминаниях. Всякий раз, когда попросишь его рассказать какое-нибудь приключение, он уверяет, что жизнь его так же бедна событиями, как самый длинный из романов Тrolлопа⁷. Но если незаметно заманить его, он попадает. Поэтому я всегда бросаю несколько самых разнообразных наживок, прежде чем удостоверюсь, что он клюнул.

– По моим наблюдениям, – сказал я однажды, – среди фермеров Запада, при всей их зажиточности, снова заметно движение в пользу старых популистских⁸ кумиров.

– Уж такой сезон, – сказал Джефф, – всюду заметно движение. Фермеры куда-то порываются, сельдь идет несметными косяками, из деревьев сочится смола, и на реке Конемо начался ледоход. Я немного разбираюсь в фермерах. Однажды я вообразил, что нашел фермера, который хоть немного отклонился от проторенной колеи своих братьев. Но Энди Таккер доказал мне, что я ошибаюсь. «Фермером родился простофилей умрешь», – сказал Энди. «Фермер – это человек, пробившийся в люди наперекор всем политическим баламутам, баллотировкам и балету, – сказал Энди, – и я не знаю, кого бы мы стали надуть, если бы его не было на свете».

Как-то просыпаемся мы с Энди утром, а у нас всего капитала шестьдесят восемь центов. Было это в желтой сосновой гостинице, в Южной Индиане. Как мы накануне соскочили с поезда, я не могу вам сказать; об этом даже страшно подумать, потому что поезд шел мимо деревни так быстро, что из окна вагона нам казалось, будто мы видим салун, а когда мы соскочили, мы увидели, что это были две разные вещи, отстоявшие одна от другой на два квартала: аптекарский магазин и цистерна с водой.

Почему мы соскочили с поезда при первом же удобном случае? Тут были замешаны часики из фальшивого золота и партия брильянтов из Аляски, которые нам не удалось спустить по ту сторону кентуккийской границы.

Когда я проснулся, я услышал, что кричат петухи; пахло чем-то вроде азотно-соляной кислоты; что-то тяжелое хлопнулось об пол в нижнем этаже; какой-то мужчина ругнулся.

– Энди, – говорю я, – смотри веселее! Мы ведь попали в деревню. Там внизу кто-то швырнул для пробы фальшивым слитком чистого золота. Пойдем и получим с фермера то, что нам причитается. Обмишулим его, а потом до свидания.

Фермеры всегда были для меня чем-то вроде запасного фонда. Всякий раз, бывало, чуть дела у меня пошатнутся, я иду на перекресток, зацепляю фермера крючком за подтяжку, выкладываю ему механическим голосом программу моей плутни, бегло проглядываю его имущество, отдаю назад ключ, оселок и бумаги, имеющие цену для него одного, и спокойно удаляюсь прочь, не задавая никаких вопросов. Конечно, фермеры были для нас слишком мелкая дичь, обычно мы с Энди занимались делами поважнее, но иногда, в редких случаях, и фермеры бывали нам полезны, как порой для воротил с Уолл-Стрита бывает полезен даже министр финансов.

Спустившись вниз, мы увидели, что находимся в замечательной земледельческой местности. За две мили на горке стоял среди купы деревьев большой белый дом, а кругом была сельскохозяйственная смесь из амбаров, пастбищ, полянок и флигелей.

– Чей это дом? – спросили мы у нашего хозяина.

⁷ Английский романист (1815–1882), написал свыше пятидесяти романов.

⁸ Популисты – мелкобуржуазная фермерская партия, созданная в 1891 г. и провозгласившая борьбу за некоторые реформы – передачу государству железных дорог и телеграфа, введение подоходного налога, ограничение земельной собственности и др.

– Это, – говорит он, – обиталище, а также лесные, земельные и садовые угодья фермера Эзры Планкетта, одного из самых передовых наших граждан.

После завтрака мы с Энди, оставшись при восьми центах капитала, принялись составлять гороскоп этого земельного магната.

– Я пойду к нему один, – сказал я. – Мы вдвоем против одного фермера – это было бы слишком много. Это все равно, как если бы Рузвельт пошел на одного медведя с двумя кулаками⁹.

– Ладно, – соглашается Энди – Я тоже предпочитаю действовать по-джентльменски даже по отношению к такому огороднику. Но на какую приманку ты думаешь изловить эту Эзру?

– О, все равно, – говорю я. – Здесь годится всякая приманка, первое, что мне попадется, когда я суну руку в чемодан. Я, пожалуй, захвачу с собой квитанции в получении подоходного налога; и рецепт для приготовления клеверного меда из творога и яблочной кожуры; и бланки заказов на носилки Мак-Горни, которые потом оказываются косилкой Мак-Кормика; и маленький карманный слиток золота; и жемчужное ожерелье, найденное мною в вагоне, и...

– Довольно, – говорит Энди. – Любая из этих приманок должна подействовать. Да смотри, Джефф, пусть этот кукурузник не дает тебе грязных кредиток, а только новые, чистенькие. Это просто позор для Департамента земледелия, для нашей бюрократии, для нашей пищевой промышленности какими гнусными, дрянными бумажками расплачиваются с нами иные фермеры. Мне случалось получать от них доллары, что твоя культура бактерий, выловленных в карете скорой помощи.

Хорошо. Иду я на конюшню и нанимаю двуколку, причем платы вперед с меня не требуют ввиду моей приличной наружности. Подъезжаю к ферме, привязываю лошадь. Вижу на ступеньках крыльца сидит какой-то франтоватый субъект в белоснежном фланелевом костюме, в розовом галстуке, с брильянтовым перстнем и в кепке для спорта. «Должно быть, дачник», – думаю я про себя.

– Как бы мне увидеть фермера Эзру Планкетта? – спрашиваю я у субъекта.

– Он перед вами, – отвечает субъект. – А что вам надо?

Я ничего не ответил. Я стоял как вкопанный и повторял про себя веселую песенку о деревенском «человеке с лопатой». Вот тебе и человек с лопатой! Когда я всмотрелся в этого фермера, маленькие пустячки, которые я захватил с собой, чтобы выжать из него монету, показались мне такими безнадежными, как попытка разнести вдребезги Мясной трест при помощи игрушечного ружья.

Он смерил меня глазами и говорит:

– Ну, рассказывайте, чего вы хотите. Я вижу, что левый карман пиджака у вас чересчур оттопыривается. Там золотой слиток, не правда ли? Давайте-ка его сюда, мне как раз нужны кирпичи, – а басни о затерянных серебряных рудниках меня мало интересуют.

Я почувствовал, что я был безмозглый дурак, когда верил в законы дедукции, но все же вытащил из кармана свой маленький слиток, тщательно завернутый в платок. Он взвесил его на руке и говорит:

– Один доллар восемьдесят центов. Идет?

– Свинец, из которого сделано это золото, и тот стоит дороже, – сказал я с достоинством и положил мой слиток обратно в карман.

– Не хотите – не надо, я просто хотел купить его для коллекции, которую я стал составлять, – говорит фермер. Не дальше как на прошлой неделе я купил один хороший экземпляр. Просили за него пять тысяч долларов, а уступили за два доллара и десять центов.

⁹ Президент США Теодор Рузвельт (1858–1919) похвалялся в печати своими охотничьими «подвигами».

Тут в доме зазвонил телефон.

– Войдите, красавец, в комнату, – говорит фермер. Поглядите, как я живу. Иногда мне скучно в одиночестве. Это, вероятно, звонят из Нью-Йорка.

Вошли мы в комнату. Мебель, как у бродвейского маклера, дубовые конторки, два телефона, кресла и кушетки, обитые испанским сафьяном, картины, писанные масляной краской, в позолоченных рамах, а рамы в ширину не меньше фута, а в уголке – телеграфный аппарат отстукивает новости.

– Алло, алло! – кричит фермер. – Это Риджент-театр? Да, да, с вами говорит Планкетт из имения «Центральная жимолость». Оставьте мне четыре кресла в первом ряду – на пятницу, на вечерний спектакль. Мои. Всегдашние. Да. На пятницу. До свидания.

– Каждые две недели я езжу в Нью-Йорк освежиться, объясняет мне фермер, вешая трубку. – Вскликаю в Индианополисе в восемнадцатичасовой экспресс, провожу десять часов среди белой ночи на Бродвее и возвращаюсь домой как раз к тому времени, как куры идут на насест, – через сорок восемь часов. Да, да, первобытный юный фермер пещерного периода, из тех, что описывал Хаббард¹⁰, немножко приоделся и обтесался за последнее время, а? Как вы находите?

– Я как будто замечаю, – говорю я, – некоторое нарушение аграрных традиций, которые до сих пор внушали мне такое доверие.

– Верно, красавец, – говорит он. – Недалеко то время, когда та примула, что «желтеет в траве у ручейка», будет казаться нам, деревенщинам, роскошным изданием «Языка цветов» на веленовой бумаге с фронтисписом.

Но тут опять зазвонил телефон.

– Алло, алло! – говорит фермер. – А-а, это Перкинс, из Миллдэйла? Я уже сказал вам, что восемьсот долларов за этого жеребца – слишком большая цена. Что, этот конь при вас? Ладно, покажите его. Отойдите от аппарата. Пустите его рысью по кругу. Быстрее, еще быстрее... Да, да, я слышу. Но еще быстрее... Довольно. Подведите его к телефону. Ближе. Привдвиньте его морду к аппарату. Подождите минуту. Нет, мне не нужна эта лошадь. Что? Нет. Я ее и даром не возьму. Она хромая. Кроме того, она с запалом. Прощайте.

– Ну, красавец, – обращается он ко мне, – теперь вы видите, что деревенщина постриглась. Вы обломок далекого прошлого. Да что там, самому Тому Лоусону не пришлось бы в голову попытаться заставить врасплох современного агрария. Что у нас сегодня? Суббота, четырнадцатое? Ну, посмотрите, как мы, деревенские люди, стараемся не отстать от событий.

Подводит он меня к столу, а на столе стоит машинка, а у машинки две такие штучки, чтобы вставить их в уши и слушать. Вставляю и слушаю. Женский голос читает названия убийств, несчастных случаев и прочих пертурбаций политической жизни.

– То, что вы слышите, – объясняет мне фермер, – это сводка сегодняшних новостей из газет Нью-Йорка, Чикаго, Сент-Луиса и Сан-Франциско. Их сообщают по телеграфу в наше деревенское Бюро последних известий и подают в горячем виде подписчикам. Здесь, на этом столе, лучшие газеты и журналы Америки. А также отрывки из будущих журнальных статей.

Я взял один листок и прочитал: «Корректуры будущих статей. В июле 1909 года журнал „Сентяври“ скажет...» и так далее.

Фермер звонит кому-то, должно быть своему управляющему, и приказывает ему продать джерсейских баранов – пятнадцать голов – по шестьсот долларов; засеять пшеницей девятьсот акров земли и доставить на станцию еще двести бидонов молока для молочного троллейбуса. Потом он предлагает мне первого сорта сигару фабрики Генри Клея, потом

¹⁰ Американский писатель (1856–1915).

достаёт из буфета бутылку зеленого шартреза, потом идет и глядит на ленту своего телеграфа.

– Газовые акции поднялись на два пункта, – говорит он. Очень хорошо.

– А может быть, вас медь интересует? – спрашиваю я.

– Осади назад! – кричит он и поднимает руку. – А не то я позову собаку. Я уже сказал вам, чтобы вы не тратили времени зря. Меня не надуете.

Через несколько минут он говорит:

– Знаете что, красавец, не уйти ли вам из этого дома? Я, конечно, очень рад и все такое, но у меня спешное дело: я должен написать для одного журнала статью «Химера коммунизма», а потом перед вечером побывать на собрании «Ассоциации для улучшения беговых дорожек». Ведь вам уже ясно, что ни в какие ваши снадобья я все равно не поверю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.